

НИКОЛАЙ САМСОНОВИЧ ТОРОПОВ.

Н. С. Торопов, 79 л., — неграмотный крестьянин—старообрядец из д. Климовки Усть—Цылемского района, куда во время экспедиции 1929 г. мы попали случайно, захваченные на Печоре „севером”.¹ Это был крупный старик с чрезвычайно живописной наружностью: с голубыми глазами, совершенно седой головой с большой белой бородой, бодрый, живой, веселый. С гордостью говорил о своей „крепкой, могутной породе” и показывал свою срезанную огромную рыжую бороду, которую хранил, чтобы по старинному обычаю старообрядцев положить в гроб.

Про него, как старинщика, в деревне говорили: „Старик Миколай Самсонович поет, когда придется. Сядет на печку и запоет”. Он сам мне перечислил все былины, которые знал. Однако записать от него оказалось очень трудно: то ему было некогда — надо было кого—то итти хоронить, или вязать веники, а „две работы делать нельзя”, то некому подпевать, а „одному трудно” — быстро устает, то просто не было расположения. Поэтому из перечисленных им былин не удалось совершенно записать „Про Соломана и Ваську Окулова” и „Про Садка,

¹ Ветер с Ледовитого океана, несущий шторм.

купца богатого" (последнюю былину, по его словам, он знал лишь „так, немножко”); про Дюка Степановича он спел только начало, а былину о Василии Игнатьеве сказал лишь „рассказью”. Зато, когда заехал в нему его молодой приятель Михаил Александрович Поздеев, 33 лет, из села Берёзова, который ему мог подпевать, Николай Самсонович сам послал за мной и, выпив с приятелем домашнего хмельного пива, спел мне былину о Сокольнике.

С М. А. Поздеевым они когда-то вместе „наймовали” — клали печи. Поздеев и приучился ему подпевать. Вообще старик не любил петь один и заставлял подпевать себе то сноху Татьяну Федоровну Торопову, 45 лет, то внука Игнатия, 16 лет. Пение совершалось так; старик запевал, затем бросал конец стиха, который

478

подхватывался подпевающим. Все былины Торопов пел на один напев, характерно былинный, отличающийся от усть—цылемских и пижемских напевов. К сожалению, не имея с собой фонографа, мы не могли записать этот напев. Относительно былины о Дюке он заметил, что ее петь следует на другой напев, но ему тяжело, и потому он поет на тот же, что и другие старины. Текст былин Н С. Торопова настолько устойчив, что когда я, чтобы проверить, после

исполнения переспрашивала отдельные стихи, он повторял их почти без всяких изменений. Несколько более других варьировался текст былины „Про Матвея и Луку”. При исполнении изредка вставлял комментарии.

Былинам научился от стариков на осёновьях. Своими учителями называл Корнила Афанасьевича Чупрова и недавно перед тем умершего брата своего Ивана Максимовича Торопова, крестьянина той же Климовки. Из сыновей Николая Самсоновича пел старины покойный Зиновий, грамотный, бывавший в Ленинграде. Из других видов фольклора Торопов знал немного духовные стихи (про Алексея и про Егория — „немножко слов”). Сказок же вовсе не знал и относился к ним пренебрежительно, называя их „враницами”. Не имея вариантов тех же сюжетов из Климовки, вообще располагая весьма скудными сравнительными материалами по деревням ниже Усть—Цыльмы, тем более не зная тех вариантов, которые явились источником знания Н. С. Торопова, совершенно невозможно говорить об индивидуальных моментах в его творчестве. Несомненно одно, что записанные тексты несут отпечаток художественного мастерства, и что некоторые из них принадлежат к лучшим по стройности и полноте из записанных на Печоре (Илья Муромец и сын,

Василий Игнатьев). Все тексты — в плане печорских традиций. Характерная для Печоры тенденция к фантастической раскраске, к усилению сказочно—эпических черт, затушевывающих древнюю историческую основу, выражена очень ярко („Скопин“, „Про Матвея, про Луку, сыновей Петровичей“). Замечается и некоторое смешение различных былин (тоже момент частый на Печоре) с перенесением из одной былины в другую отдельных эпизодов (начало былины о Дюке).

479

87

НЕДАЛЕКО ОТ КИЕВА

Недалёко от города от Киева

А стоит ле тридцать три богатыря.

А пасли—стерегли они да стольней Киев град.

Во первых—от у их был да стар козак,

5 Во вторых у их Добрынюшка Микитич блад,

Во третьих у ех Дунай да сын Иванович,

Во четвёртых—то Самсон да сын

Колыбанович,

А во пятых Олёшенька Попович блад,

Во шестых два брата да Долгополых,

10 Долгополы два брата полонённые.

Как инá братья вся была схожея.

Отаманом да был стар козак,

Податаманьём Добрынюшка Микитич блад,
А во писарях был Дунай да сын Иванович,
15 А во поварах Самсон был да Колыбанович,
А во конюхах Олёшенька Попович блад.
Поутру—то ле утру ле было ра́ному,
На зачине тут было да свету белого,
На подъёме тут было да красна солнышка,
20 А старой—от козак пробуждаетца,
Ключевой водой да старой умываетца,
Полотёнушком старой обтираетцэ.
Одеваёт ступеньца на босу ногу,
Надеваёт кунью шубу на онно плечо,
25 Надеваёт ле колпак на онно ухо,
А выходит старой да вон на юлецю.
Как гледел ле смотрел на все стороны,
В мороку в тумани нынь худо видитцэ:
480
То ле летит блад ясен сокол,
30 То ле едет там удалой доброй молодец.
Едет винно собака потешаетцэ:
Впереди его собаки да бежит серый волк,
Позади его собаки да звери всякии,
На правом—то плече сидит ясен сокол,
35 На левом—то плече дак сидит бел кречёт.
Едет винно собака да потешаетцэ:
Подверьх он стрелочьку постреливат,
Кабы на́ пол ту стрелку не юраниват,
Он в руки возьмёт — пламё мечетца,

- 40 А вокруг—то повернёт — искры сыплютцэ.
Кабы едёт собака да потешаетцэ:
На правом—то колени держыт гумажечку,
Он гумажечку держыт да гербовой гист,
На левом—то колени держыт чернильницу,
- 45 Во рука́х—то держыт перо ёрлиное,
Не того же орла да сизакрылого,
Да того ле орла́ сизока́мьского,
А не тот был орёл — на лесу сидит,
А бы тот орёл — на корню сидит,
- 50 А гнездо—то он вьёт да на сер камень,
Он бы пищу достават из синѸ морѸ.
Он бы пишет ёрлык да скорограмотку:
„Я поеду молодець да в стольней Киев град,
Я поеду молодець да там поздороватьцэ.
- 55 Я силушку всю во грезь стопчу,
Я бы князѸ там Владимира под мечь склоню,
Я бы матушку кнегиню с собой возьму".
А пометыват ерлык ко за́ставы,
А старой—от берёт, во шатёр пошол,
- 60 Кабы будит дружину всю заговорьюю:
„Вы встаньте—ко, дружина заговорьяная!
Д будёт спать — ста́ла порá вставать,
Ты вставай—ко, Добрынюшка Микитич блад,
Ты вставай—ко, Дунай сын Иванович,
- 65 А цитай етот ерлык да скорограмотку,
Ка' да щё у собаки есь написано,
Ка' да щё у собаки напечатано".

Как цитаёт Дунэй, сам росказыват:
481

„Я поеду молодець да в стольней Киев град,
70 Я поеду молодець там да поздороватьцэ,
Я бы силушку хочю да всё во грёзь стопчу,
Я кнезя ле Владимира под мечь склоню,
Кабы матушку кнегину да то с собой
возьму”.

А на ето старой да осержаетцэ,
75 Выбирать он стал кого в сугон послать:
„А послать нам Олёшу Поповиця —
А Олёша Поповичь роду невежлива,
А невежлива сам роду да не оцеслива,
Кабы роду—то Олёша поповьского.
80 А послать—то ле двух—от братьев
Долгополых,

Долгополых—то бра́тов полонённых же.
А от не нашей земли они, неверьные,
А доспеют бы изменушку великую.
А послать ведь Добрынюшку Микитичя —
85 Кабы тот ле детинка роду вежлива,
Да вежлива детинка роду оцеслива”.
А не видели поездки да молодецькое,
А увидели Добрынюшка на конѸ скочил,
На коня—то он скочил да в струмена ступил,
90 А увидели да во поле курева́ стоит,
Курева́ стоит да дым столбом валит.

Нагонил—натоптал скоро на́скоро:

„А какой же ты ле едёш богáтырь же?

Есле русьской богáтырь, то поворот даю,

95 Есле не русьской богáтырь, да я напус
держу”

(Сзади хочет ехать).

А на третье раз да как ругатьцэ стал:

„Ты какá летиш ворона да пустопёрая,

Да какá же сорока позагубиста?”

А оттуль ле молодец поворот даёт.

100 Кабы дает Добрынюшке потяпышу,

А прибавил бы Добрыни по алабышу,

А едва ле Добрыня на коне сидит,

А оттуле Добрынюшка поворот даёт.

А увидел старой козак Илья Муромец —

105 А бы едет Добрыня да не по старому,

А сидит он на коне да не по прежнему.

Осержаётцэ старой да сам срежаетцэ:

482

„Не сварить вам без меня пивна́ котла́,

Привезу вам голову вам тотарьскую”.

110 Как отправилса старой козак Илья
Муромец,

Нагонил—натоптал скоро на́скоро:

„Ты какой же нонь едёш за богатырь же?

Есле русьской богáтырь, да поворот даю,

А не русьской богáтырь, да я напус возьму”.

115 А на третье ле раз ругатьцэ стал:

„Ты какá летиш ворона да пустопёрая,

Да какá летиш сорока да позагубиста?

Ты ницем зовёш нас тридцать богáтырей”.

А отгуль молодець да поворот даёт.

**120 Кабы съехались два удалых добрых
молодцá,**

Кабы секлись сабельками острыми,

А сабельки те у их прищербалисе,

А тыкались копейками бурзамеческими,

А копейца у их да извихалисе,

125 А соскакивали робята да со добрых коней,

А хватались робята да в охабоцьку,

Кабы бились—борблись да трое сутокьки,

А пробили они до колен землю.

По бесчесью тут да по великому

130 У старого—то правá рукá да промáхнулась,

А левá—то ногá да прокáтилась.

Кабы пал старой на матушку сыру землю.

А садилса Соколик на белы груди,

Он и хоцёт пороть да груди белые,

135 Он и хоцёт смотреть его ретиво серьцё.

А взмолилса старой дак да господу богу;

„Пресвета ти ли мати богородиця!

А стоел я за веру за христовую,

Я держалса того креста распятого,

140 А повыдала поганому Издолищу,

Ты повыдала ему дак на руганьицё".
У старого вдвоё да силы прибьль,
Он скакал со матушки сырой земли,
А взметал—то Сокольника на матушку,
145 А на матушку метал его на сыру землю,
А садилса ему он да на черны груди.
Замахнулса пороть его черны груди,
483

Посмотреть он хоцёт его ретиво серьцё,
Застоялась у старого во плече рука.
150 — „А скажи е то удалай, добрай молодець,
Откуль идёш да откуль едёш же,
Ты какого отца да какой матери?"
Говорил е удалой да доброй молодець:
„Не роздражай меня удалого,
155 Ты пори скорее мои да груди черные,
Посмотри моё ты ретиво серьцё".
Замахнулса старой дак во второй након,
Застоелась его дак во локтю рука.
— „Ты скажи—ко, удалой да доброй
молодець!
160 Ты какого отца да какой матери?"
— „Я сидел когдэ у тя на белых грудѸх,
Я не спрашивал роду у тя не племени,
Я отца не спрашивал не матере,
Ты пори скорее да груди черные,
165 Ты смотри моё да ретиво серьцё".
Замахнулса старой да во третей након —

Застоелась у старого да в заведи рука.

— „Ты скажи—ко, удалой доброй молодец,
Ты какого отца да какой матери,

170 Ты откуль нонь идёш да откуль правишься?"

— „Я иду молодец да от синѸ морѸ.

Кабы матушка моя да Златыгорка,

А Златыгорка она да полениця же,

Полениця она да преюдалая".

175 А соскакиват старой да со черных грудей,

А хватил его молодца за белы руки,

Целовал бы его он в устá сахарные:

„А твоя ле мать б. ,

А бы то молодец есь ты выб. ,

180 А любимой ты мой ноньце сын же ведь.

Ты поедь—ко, удалой да доброй молодец,

Привези матушку родимую,

Окрестим—приведём в веру христовую,

А не будёт тебе в поле поединщика".

185 А разъехались удалы да добры молодцы,

А приехал как молодец ноньце к матушке:

„А ты ой еси, матушка родимая!

484

А бы ездил—ходил во чистом поле.

Я бы видел собаку серу седатую,

190 Он зовёт тебе да право б. ,

А меня—то кличет да выб.".

Говорит его ле матушка родимая:

„Не пустым—то молодец похваляетцэ".

Он хватил ле тут матушку родимую,
195 Он хватил ле за косы женьски долгиа,
А метал—то он ей о кирпищет пол,
А давал он ей тут да скору смёрточку.
Погонил на тот право белой шатёр,
А бы ткнул копьём да во белой шатёр,
200 Он бы ткнул старому во белы груди.
У старого на груди был бы чуден крест,
А попало ему право в чуден крест.
Просыпаетцэ старой дак скоро наскоро,
Выбегаёт старой да вон на улецю.
205 Он хватил Сокольника за буйну главу,
Он оторвал да тут буйну главу.
А бы туловище отвёз он во чисто поле,
А бы воронам да на граеньицё,
А зверем бы его да на тасканьицё.

88

ПРО МАТВЕЯ, ПРО ЛУКУ, СЫНОВЕЙ ПЕТРОВИЧЕЙ

„А Лука де Матвей дети е Петровичи,
А не ездите, робята, да в русьску сторану,
Ко Митрею не ездите по ронну сестру!
А Митрий Обраньский он хитёр—мудёр,
5 По поднебесью летат да ясным соколом,
По синю по морю ходит рыбой щукою,
А по чистым де полям и бегат да серым
волком,

А чернымы грезѸми чорным да медведѸм,
Он густыма новолоками горностальцѸиком".

- 10 А на то ле Лука, Матвей не сдаваютьцэ,
Итти они ехать да там сбираютьцэ.
Говорил им тут ле дедюшка во второй након:
„Вы Лука ле Матвей, дети Петровичи!

485

- А не ездите, робята, да в русьску сторону,
15 Вы ко Митрию не ездите по ронну сестру.
Кабы с Митрием мы на заставы
А стояли с Обраньским ровно тридцеть лет.
По окончению того году тридцатого,
Кабы клали с им заповеди великия,
20 Не ё ста рублей клали ле ё тысени,
Ё своих клали да о буйных головах:
А которой на которого мы наступим же,
У инного по колен ноги выломать,
У другого изо лбу дак оци выкопать".

- 25 А на то бы Лука, Матвей не сдаваютьце,
А итти—ехать да всё срежаютцэ.
А отправились робята да в русьску сторону,
А ко Митрию отправились по ронну сестру.
Кабы ехали они с утра день до вецѸера,
30 На сквозю де ночь тѸмну до бела свету.
Приеждяют робята во Обраньской город,
Кабы Митрия дома не случилось,
А Обраньского ле дома не погодилося,
А уехал во чисто полѸе за охотою,

35 Как стрелеть бы гусей да белых лебедей,
Кабы ле маленьких да ён утёнышков.
А бы начали робята да разореть город,
А молодых—то молодушек всех летицами,
Кабы да красных—то девушек всех
толпицами,

40 Кабы старых—то старух гнули коробицами,
Кабы старых стариков на колья вешали,
Кабы светые церькви соборны держ'ли
конюшенки.

Кабы пресвету ту мать богородицю,
А спускале они ей на конец воды,
45 У светителя Миколы да всё Можайськёго
Пеленой ту пеленали да коней добрых.
Добирались бы до Митрия ронной сестры,
А сидела за трема дверьми за железными,
За трема бы замками за немецкими.

50 Отрывали бы замки немецкие,
Отпирали они двери все железные,
А сидит тут да Митриева ронна сестра,
А сидит ёна слезно заплакалась.

486

*(Город ронной разорили, как не
уплакаться!)*

Брали они ей за белы руки,
55 Повели бы её да вон на улицу,
А садились робята на добрых коней,
Тут отправились робята да назад домой.

Кабы ехали с утра ёни день до вецера,
На сквозю ночь тёмну до бела света,
60 А с того с устатку со великого,
Придумалось молодцам де опочинитьцэ.
Розвернули они да свой черной шатёр,
Заходили робята да во черной шатёр.
А бы были у Митрия три ле ворона,
65 Три ле ворона да как кормлёные.
Полетели искать они ласкова хозяина,
А нашли бы во чистем поле белой шатёр.
А э перьвой—от ворон сел на сырой дуб,
А другой—от ворон сел на матушку,
70 А на матушку ле сел на сыру землю,
А третей ворон да сел на бел шатёр.
На дубу—ту ле ворон да стал спрограивать,
Кабы сырой—ёт дуб стал пошатывать,
Вершинка с вершинкою сплеталися
75 И к земле приклонялися —
Кабы спит тут ле Митрий не пробудитця,
С богатырским сном не розлучитця.
На земли тут ворон стал спрограивать,
Мать сыра земля стала придрагивать —
80 Кабы спит тут ле Митрий да не пробудитця,
Со великием сном спит не розлучитца.
На шатру—то ле ворон да стал спрограивать.
Бел шатёр—от стал да заполаскивать —
Пробужаетцэ тут Митрий нань Обраньский,
85 А выходит ле Митрий да вон на улицу,

Он увидел тут воронов кормлённых:

„Винно есь у меня над городом невзгодушка,
Винно есь у меня над Обраньским великая”.

Ёбернулса Митрий тут ясным соколом,

90 Уж поднялся он да по поднебесью,

А налетел бы на свой дак на Обраньский
город.

А стоит ле нонь город розорённый весь,
487

А бы Митрия сестра увезёная.

Полетел бы тут Митрий во чисто полё,

95 Он нашол бы стоит там черной шатёр,

Ёпускалса ле Митрий ко черну шатру,

Ёбернулса да горносталяциком.

Как заскакивал он дак на черной шатёр,

А гледел бы он тут¹

100 А сидит бы ронна сестра заплакалась,

А лежат бы да на коленях да два татарина.

Кабы начал он тут поскакивать,

А приправу как ихну стал присматривать,

А шелковы—те ерканы все на клуб смотал,

105 А сабельки востры все повыщербал,

Как тугих—то луков струны повыел все,

Э калёных у стрел уши сколупывал,

А копейца бурзомечеськи все повывихал.

А выходит бы Митриева ронна сестра,

¹ В рукописи неразборчиво.

- 110 Увидала следки да горносталявы,
А идёт бы в шатёр дак усмехайтцэ.
Говорят бы ле тут два татарина:
„Кабы что же ты, красавиця, усмехаишьсе?"
— „Ронной брателко у меня тут поскакиват".
- 115 Вылетали татары вон на улицу,
А хватались за ерканы шелковыи —
А шелковы же ерканы на клуб все смотаны.
А хватались за сабли вострыи —
А сабельки те и повыпщербаны.
- 120 А хватались бы за туги луки скорешенько —
А тугиих луков струны все повыены.
А хватались за стрелки за калёныи —
А у стрелок уши все сколупаны.
А хватались за копеица бурзомечеськи —
- 125 А копеица те с носадками вместях лежат.
Опустили молодцы руки белые,
А обёртывалса Митрий да добрым молодцом:
„Уж вы здравствуйте, да удалы добры
молодцы!
- Вам не сказывал ле разве ронный дедюшка,
- 130 А у нас клажены с им заповеди великия:
488
А которой на которого наступим же,
Э у инного по колен ноги выломать,
У другого изо лбу оци выкопать?"
Уж как он изо лбу оци выкопал.
- 135 У другого по колен ноги выломал,

Безногого посадил как на безглазого на плеча:

„Безглазой неси, безногой указывай,
Подьте к дедюшке со выслугой!"

69

ДВА ТУРА, ДВА ГНЕДЫХ ТУРА

Выплывали два гнеда и два тура,
Настрecu туриця златорогая:

„Здрастуйте, туры да дети малые!"
— „Здрастуй, туриця златорогая".

5 — „Где же вы, туры, были—побыли,
А што же вы чули, што деяли?"

— „Были, матушка, мы во Шахове,
Были там во Лякове,

Полдён прошли да поле чистое,

10 Поперек плыли да море синее,
Полночь пришли да в стольный Киев град»

Видели тут чудо мы великое:

Серёдка осённой ночи тёмной

Отпирались ворота городовая,

15 Выходила девица красавиця

В онных щиблетах без чулочиков,

В онной рубашечке без поеса.

Выносила она на руках книгу,

На руках книгу четырехугольною,

20 Забродила она да во Почей—реку,

Еще поглубже до белых грудей,

Клала книгу на сер горюч камень,
Читала эту книгу четырехугольную,
Не цитаєт столько, сколько плацет".

25 — „Уж вы ой еси, туры да дети малые,
Уж вы ой еси, туры да дети глупые!

Кака вам выходила тут девица,
489

Каку вам книгу выносила?

Выходила пресвета мати богородиця,

30 Выносила книгу евангелье.

Чует над городом невзгодушку,

Чует над Киевом великую:

Скурло сын Смородович подымаетца,

У Скурла сына у Смородовича силы много
множество,

35 Некак не можно умом подумати.

Сорок детей, сорок зетей,

Сорок королей, сорок королевичей,

Сорок кнезей, сорок кнезевичей,

На каждого сына на каждого зетелка

40 По три тмы по три тысеци.

На каждого кнезѸ кнезевиця

По три было тмы по три тысеци.

На каждого короля королевиця

По тры было тмы по три тысеци".

45 Немножко прошло да поры времечка —

Наганивал Скурла силу—армию ко Почей—
реки,

Становит силу на том поле на Ольховоем.
Потемнело тут да красно солнышко,
Потемнел млад светёл месяц

50 От того духу человеческого,
От того пара лошадиного.

Вёшние дни долгие чёрну ворону вокруг силу
не облететь,

Осенние дни тёмные серу волку всю силу
кругом не обежать,

А у Скурла сына у Смородовича

55 Была кобыла старопегая,
Бегала она скорей пули огненной.

Садилса он на эту кобылу старопегую,
Поехал вокруг силу заговаривать,
Не брала штобы пуля оловянная,

60 Не брало чтобы копейцо бурзомечесько.

Заговорил он силу—армию,
Выбирал из силы сорок королей,
При сорока выбирал четыре их,
Повыбрал он тогда короля Бурлинского,

65 Дал ему ременчат стул,

490

Дал ему бумагу белоярову,
Дал чернильницу ему хрустальную,
Дал перышко ему орлиное:

„Пиши прямо князю Владимиру:

70 Добром даст царьсво —мы добром возьмем.

Добром не даст царьсво — мы силой возьмём,

Поезжай ты в стольный Киев град,
Едь не путём не дорогою,
Заеждяй в город не воротами,
75 Станови коня к дубову столбу.

А не вежи коня к золоту кольцу,
Заходи в грини кнеженчески.
Ихним богам богу не кланейса,
Кнезю с кнегиной поклон не дай,
80 Меци ерлык эту грамотку на ременчат стул".

Во ту пору в то время
Лежал старой на печке на муравленке.
Пропилса старой и прикрылса худой
рогозиной,
Пропил свой чуден крест.

85 Заложил кунью шубу,
Заложил пухов колпак.
И говорит старой козак Илья Муромец:
„Ох ты ой еси, солнышко батюшко
Владимир—князь!

Какой это зашол болван нетёсаной,
90 Нетёсаной, нестроганой,
Нашим богам богу не молитца,
Челом не бьёт, кнезю с кнегиной поклон, не
даст".

На ето король Бурлинской осержаетца,
Выходил вон на улицу,
95 Подпадывал под угол передний,
Хотел гриню кнеженецкую опружить,

Не мог пошевелить.

„Не пуста та весть идёт про кнезя со
кнегиною,

И загружены полаты кнеженецкие".

100 Берёт—то солнышко батюшко Владимир
князь,

Берёт золотой казны сколько надобно:

„Пойдём, старой, повыкупим кунью шубу,

Повыкупим пухов колпак,

Повыкупим чуден крест".

105 Повыкупили кунью шубу,

491

Повыкупили пухов колпак,

А в кресте чумака поператься стал.

Берёт он чумака—целовальника за жёлты
кудри,

Метал его о кирпичат пол,

110 Давал скоро смёрточку.

Под праву—то пазуху берёт бочёночек,

Под леву руку сороковочьку,

Третью ногами он выкатывают:

„Подьте голи кабацкие, пейте зелено вино
безденежно!"

115 Стар козак натекает свой тугой лук,

Кладёт он калену стрелу,

Ко стрелочке приговариват:

„Лети, моя калена стрела,

Пониже облака ходячего,

120 А повыше лесу тёмного,
Залети Скурлу во правый глаз!"
Тут Скурлу смерть случилася.

90

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Ай из Нижней из Малой Галицы,
Из той же Карелы пребогатой
Еждает удалой да доброй молодец
А по имени Дюк дак сын Степановеч.
5 Ётьеждает от Нижней Малой Галицы,
А от той ле Карелки пребогатой,
Да Дюк отъеждает за двенадцать вёрст.
Выеждает на горы да на высокия,
На те же на шоломя на укатисты
(Дюк—то Ильин он выб.....).
10 Становил своёго коня да доброго,
Говорил ле он ле сам с собой:
„Кабы ето местечько повыше всех,
Кабы ето местечько покраше всех".
Вынимаёт сам трубочку подзорную,
15 А глядил—смотрел во все стороны.
Во первых—то смотрел сторону под северну,
А во трубоцьки ему тогда знаменуитця,
492
А в подзорну удалу оказуитця, —
А стоят ле там ледяны горы;
20 А глядил бы в стор'ну в подвосточную, —

- А стоит там стольне Киев град;
Гледел бы да во ту стор'ну в подобедицьну, —
А стоит марева баски—кудрявые,
А кудрявые марева хлебородные;
25 А гледел бы под ту стор'ну под летную, —
А стоит ле там да поле чистоё,
А на том ле поли право на чистоём
Кабы ездят могуци русьски богатыри,
А бы ездят молодци—та потешаютцэ;
30 А гледел под ту стор'ну под западну, —
А стоит там Нижня да Мала Галиця,
А и та же Карелка прибогатая.

91

ПРО СКОПИНА, СЫНА ИВАНОВА

- А во стольнём городи было во Киеви,
А у ласкова князя было у Владимира,
А столованьё у князя было у него пированьё
Как про многих купцей людей богатых,
5 А про многих про русьских да про богатырей,
А про многих палениць славных приюдалых,
А про многих про татар толстобрюхиих.¹
Все ле на пиру сидят пьЎны—веселы,
Все сидят да прирасхвастались.
10 Умной хвастат старой матерью,
Да глупой хвастат молодой жоной,
Иной хвастат золотой казной,

¹ До сих пор спел. Дальше сказывал „рѳсказью”.

Иной хвастат могутой—силой,
Иной хвастат да конём добрым,
15 Иной хвастат теремом хорошим,
А Скопин—от хвастат порой прежнюю:
„Прежде досель да в молоду пору
Не боялся Скопин сорока полков,
493

Сорока полков да сорок тысячных.
20 Города ти брал я с пригородками,
Села те деревни брал с приселеньями,
А Малюту прежде во полон бирал,
Три года держал я калачьницей,
Три года держал подручницей,
25 Три года держал сполюбовницей.
Сыпал у Малюты на правой руки,
Целовал Малюту в уста сахарныя,
Браживал Малюту ниже черева".
На то были злы люди доносчики,
30 Донесли они Малюте Скурлатишне.
На то зла Малюта была обманьчива,
Осержается Малюта дочь Скурлатишня,
Подходит князю к Владимиру:

„Уж ты ой еси, наш солнышко Владимир
князь;

35 Солнышко Владимир князь да стольно
киевской!

Позволь мне взять своей чяры позолоченой.
У нас все на перу сидят да пьяны—веселы,

Они все сидят да расхвастались,
Один Скопин сидит у нас не пьёт, не ест, не
хвастает.

40 Не болит ли у него да буйна голова,
С того похмелья со вчерашнего?
Не оправитьца ли он от меня кумы,
Не для ради кумы, ради крестника?"
Позволил наш солнышко Владимир князь

45 Взять чяру позолочену,
Берёт—то чяру цярскую,
Спускается во глубоки погребы
И заходит во узеньки чуланчики,
Наливает чяру зелена вина,

50 Подливает во чяру зелья лютого,
Зелья лютого, сала змеиноного.
Приполняет во чяру рогу турьего
И меду сладкого,
На закуску колачик бел крупицатой.

55 Выходит из узеньких чуланчиков
И вздымается из глубоких погребов,
Берёт—то чяру во праву руку,
Во леву руку берёт кресника,
494

Подходит к столам дубовым,
60 Поклоняится Скопину сыну Иванову:
„Скопин сын Ивановичь,
Любимой ты мой кумушко!
Не болит ли твоѹ буйна голова,

С того похмелья со вчерашнего,
65 Не оправился ли ты от меня кумы,
Не для ради кумы, ради крестника?"
Говорит Скопин сын Ивановичь:
„Гледите, дружьѸ—братъѸ—приятели во чяру
позолочену!

По бокам—то у чяры огонь горит,
70 По серёдке чяры ключ кипит.
Если не пить эту чяру — виновату быть,
А если пить эту чяру — живому не быть"
Понадеялся Скопин на могуту силу,
Берёт—то чяру рукой правою,

75 Перелаживат в руку левую,
Крестилса рукой правою:
„Просвета божья мати богородиця!
Пособи мне—ка нести такой тягости.
Стоял я за веру за христовую,

80 Держался креста распятого".
Пьёт—то чяру ко единому духу.
Немножко прошло да поры времечка,
Помутились у Скопина де очи ясные,
Подрожали ка' ноги резвые.

85 „Уж вы ой еси, дружьѸ—братъѸ—приятели!
Ведите поскорей да вон на улицу,
Садите меня да на добра конѸ".
Во праву руку берёт крестовой брат,
А под леву руку берёт стар казак,

90 Повели Скопина сына Иванова вон на улицу.

— „У меня душа надо спасти, с душа грех свести:

Молоду пору было много бито—граблено,
Поноправасному обижено".

Сажали Скопина да на добра конѸ,

95 Куды конь бежит, туда Скопин едет.

Увидела матушка родимая из висока нова
терема,

Ткнуло ейно ретиво серце,
А прострелило груди белые:

495

„Едет Скопин у меня не по старому,

100 Сидит на коне да не по прежнему".

Побежала вон на улицу,

Хватала Скопина да за белы руки,

Целовала в уста сахарныя.

Говорит Скопин сын Ивановичь:

105 „Уж ты ой еси, матушка родимая!

Сходите скорей по отца попа духовного,

Надо душа спасти да с души грех свести —

Молоду пору бито было граблено,

Поноправасному много было обижено".

110 Как Скопин покаелса, так Скопин
представилса.

Хоронили Скопина сына Иванова,

Украшали его по заслуге его:

Во буйну голову клали мечь кладенець,

Во праву руку да саблю вострую,

115 А во леву руку клали тугой лук с каленой
стрелой,

А во резвы ноги копеицо бурзомеческо.

Похоронили Скопина сына Иванова.

У его—то матушки родимые

Заплывчиво было серцё паленическо.

120 Не могла снести такой тягости,

Скакала—падала на добра коня,

Погонила во город искать виноватого.

Пригонила во стольно Киев град:

„Господа вы подворотники,

125 Отдайте мне виноватого!

— „У нас нету в городе виноватого —

Уехала во чисто полё на троичьки".

Соскакивала со добра конѸ,

Смотрела ископыт лошадиную —

130 Пролегла ископыт лошадиная во чисто полё.

Погонила в сугон сзади,

Натоптала скоро наскоро:

„Уж вы ой еси, молодцы ямщики!

Вы мне не виноватые,

135 Отдайте мне виноватого!"

Соскакивала со добра конѸ,

Хватала за косы за долгая за женьския,

Метала о матушку сыру землю,

496

Давала ей да скоро смёрточку,

140 Вязала коню за долгой хвост,

Потащила по чисту полю,
Где рука, где нога, где буйна голова.
Сына не оживила, а всё же ей нарушила.

497